

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(1): 15-22
 DOI: 10.13187/bg.2025.1.15

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Kalmyks of the Russian Empire in the System of International Relations of Inner Asia (first half of the 18th century)

Alexander Sh. Kadyrbayev ^{a,*}, Evgeniy A. Komandzhaev ^b, Ludmila V. Okonova ^b

^a Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

^b Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to a topical issue – foreign policy contacts of the Kalmyk Khanate. This Volga region entity actively interacted with the Dzungar Khanate, Qing China and Tibet. The place of the Kalmyks in the system of intra-Asian relations in the second half of the 18th century is analyzed. The article is based on the introduction of Russian archival materials into scientific circulation. Currently, there are only a few works on the topic under study. In addition, the need for a comprehensive and in-depth study of this problem dictates the use of interdisciplinary and civilizational-cultural approaches. A comprehensive analysis of the development of relations between the Volga region Kalmyks and the Dzungar Khanate, Tibet and the Qing empires in Inner Asia in the middle of the 18th century is the goal of this work, since it will clarify many events that had a significant impact on the historical fate of the Kalmyk people. The authors presented and analyzed archival materials and scientific literature. The time frames of the study chosen by the authors correspond to the task at hand, since provide an opportunity to trace the evolution of the relationship between the Volga Kalmyks in the system of international relations in Inner Asia in the first half of the 18th century. The article uses the following methodological principles: objectivity, historicism, and comprehensiveness. The Kalmyk factor played a significant role at that time in international relations in Inner Asia, which even the suzerain of the Kalmyk Khanate, the Russian Empire, could not ignore. The military potential of the Kalmyks attracted even Qing China, which was fighting with the Dzungar Khanate for hegemony in Inner Asia.

Keywords: Russian Empire, Kalmyk Khanate, Kalmyks, Tibet, Dalai Lama, Qing China, Ayuka Khan, Dzungar Khanate, international relations, foreign policy.

1. Введение

В середине XVII века на территории Российской империи появилось новое образование – Калмыцкое ханство, основанное частью ойратских племен, принявших российское подданство и заселивших Нижнее Поволжье и Северный Прикаспий. Получившие новое этническое название калмыки еще долгое время сохраняли взаимоотношения с центральноазиатскими народами, особая активность которых наблюдалась в первой половине XVIII века. В этот период калмыки заняли обширную территорию на юге России и стали одной из главных сил, обеспечивавших российское доминирование в данном регионе. Взаимоотношения калмыков с Джунгарским ханством, Тибетом и Китаем служили составной частью восточной политики России. Кроме того, история русско-калмыцких отношений, а также связи с джунгарами, тибетцами, маньчжурами и китайцами в первой половине XVIII века отчетливо показывает поступательное развитие калмыцкого кочевого государства.

* Corresponding author

E-mail addresses: komandzhaev@mail.ru (A.Sh. Kadyrbayev)

2. Материалы и методы

Эмпирической базой исследования выступают документы, которые хранятся в российских архивохранилищах:

1) Материалы Архива внешней политики Российской империи (Санкт-Петербург, Российская Федерация) и Российского государственного архива древних актов (Москва, Российская Федерация);

2) Опубликованные материалы, к ним относится сборник документов «Международные отношения в Центральной Азии XVII-XVIII вв. Документы и материалы» ([Международные отношения..., 1989](#)).

Методологическая база работы основана на применении цивилизационно-культурного подхода, позволившего оценить факты и материалы как часть культуры калмыцкого кочевого народа. Социологический позитивизм как научный подход позволил определить социальные истоки властных институтов. При анализе и интерпретации материала использованы классические исторические принципы: объективность, историзм, всесторонность.

3. Обсуждение

Изучение указанной проблемы имеет вековую традицию. Одной из первых книг, посвященных положению калмыков в рассматриваемый период, является работа В.М. Бакунина ([Бакунин, 1939](#)). В первой половине XIX века в трудах российских ученых Н.Я. Бичурина ([Бичурин, 1995](#)), С.М. Соловьева ([Соловьев, 1865](#)) и других рассматриваются различные аспекты внешней политики России и взаимоотношений калмыков с народами Внутренней Азии.

В исследованиях советских ученых И.В. Златкина ([Златкин, 1983](#)), Н.Н. Пальмова ([Пальмов, 1922](#); [Пальмов, 1926](#)) и других расширяется источниковая база, углубляется проблематика вопроса.

В работах современных историков Е.Л. Беспрозванных ([Беспрозванных, 2001](#); [Беспрозванных, 2008](#)), Г.Б. Избасаровой ([Избасарова, 2022](#)), Ж.Б. Кундакбаевой ([Кундакбаева, 2005](#)), А.В. Цюрюмова ([Цюрюмов, 2003а](#); [Цюрюмов, 2003б](#); [Цюрюмов, 2005](#); [Цюрюмов, 2006](#); [Цюрюмов, 2007](#); [Цюрюмов, 2019а](#); [Цюрюмов, 2019б](#)), В.Т. Тепкеева ([Тепкеев, 2018](#); [Тепкеев, 2020](#)) представлены ценные наблюдения об истории калмыков Поволжья и о взаимоотношениях Калмыцкого ханства с народами Внутренней Азии.

4. Результаты

Предками калмыков являлись ойраты – западномонгольские племена, кочевавшие в степях Центральной Азии. В конце XII – начале XIII вв. ойратские племена представляли собой племенной союз, вошедший впоследствии в империю Чингисхана. В конце XIV столетия на территории Западной Монголии четыре самых крупных западно-монгольских племен образовали Ойратский союз. До XVII в. ойраты считались частью Монгольской империи, хотя фактически ойратские правители обладали полной самостоятельностью. При этом ойраты постоянно вели войны с восточномонгольскими правителями, а также междоусобные войны за пастбищные территории.

На рубеже XVI-XVII вв. ойратский союз состоял из пяти крупных этнополитических объединений: хошуты, торгуты, дербетов, джунгаров и хойтов. Военные неудачи, потеря части территории вынуждали искать новые места для проживания, поэтому в начале XVII в. племена торгутов и дербетов с частью хошуты стали перемещаться на северо-запад, в малонаселенные степные пространства Южной Сибири, которые были территорией России.

Предводитель самой многочисленной этнополитической группировки торгутов Хо-Урлюк первым из ойратов вступил в контакт с воеводой г. Тары в 1606 г. и просил разрешения кочевать по р. Ишим и торговать в Таре. В 1607–1608 гг. ойратские племена торгутов и дербетов продолжали кочевать в районе Тары и Томска. Ойратские правители согласились принять российское подданство и платить дань скотом. В 1608 г. царь Василий Шуйский принял группу, представлявшую калмыцких правителей, которая подтвердила желание калмыков стать подданными российского государства, что позволило бы ойратам кочевать в Западной Сибири и беспопытно торговать в русских городах. Ойратские нойоны (князья) и тайши обязывались платить дань скотом и при необходимости помогать в обороне русских крепостей. Ойратские племена торгутов, дербетов и хошуты начали постепенное переселение в пределы России. В пределах России появилось и название «калмыки».

Развитие русско-калмыцких отношений в первой половине XVII в. было непростым. Калмыки отличались от сибирских народов, поэтому способы управления, которые применялись российскими властями по отношению к сибирским народам, не подходили калмыкам. Были и военные столкновения калмыков с русскими войсками. В 1635 г. в Центральной Азии образовалось Джунгарское ханство, что повлекло отток населения некоторых калмыцких улусов обратно на историческую родину.

Однако объективные условия способствовали более тесному сближению калмыков с Россией: калмыцким кочевникам нужна была торговля с оседлыми народами. Калмыки продавали скот и продукты животноводства, а покупали товары, которые сами не производили. Для кочевых цивилизаций исключительно важным было взаимодействие с оседлыми народами. Прежние военные

набеги кочевников на соседей ушли в прошлое. Именно в пределах России для калмыцкого кочевого общества сложились условия, способствующие поступательному развитию.

В 30–40-е гг. XVII в. калмыками было занято междуречье Эмба и Яик, позже – территория между Яиком и Волгой. Затем, перейдя на правобережье Волги и тесня кочевавшие здесь ногайские племена, они заняли северо-прикаспийскую территорию. Таким образом, калмыки уверенно осваивали Предкавказье и Северный Прикаспий.

Калмыки, как и другие этносы, обладая уникальными цивилизационно-культурными чертами, оказались на юге России в совершенно ином цивилизационном окружении, среди народов, отличавшихся от них антропологическим типом, языком, религией. Это способствовало быстрейшему формированию национальной государственности калмыков, что, в свою очередь, послужило средством защиты их национальной идентичности и суверенитета.

С древних времен Россия являлась многонациональным государством, в котором разные народы, сохраняя свою уникальность, вполне уживались. Российское правительство применяло различные инструменты интеграции новых подданных и организации их адаптации к политическим, социально-экономическим и культурным условиям.

В середине XVII столетия в пределах России складывается автономное Калмыцкое ханство, при этом государственность в виде ханства возникла достаточно быстро, так как у калмыков уже были государственно-правовые традиции. Традиционные институты верховной и публичной власти, существовавшие у калмыков и появившиеся еще в монгольскую эпоху, были принесены в пределы России. Российское правительство также было заинтересовано в централизации власти в калмыцком обществе.

Учитывая важное значение буддизма и высокий авторитет главы буддистов Далай-ламы, временем образования Калмыцкого ханства можно считать 1647 г., когда предводителю калмыков Дайчину была вручена грамота Далай-ламы на ханское достоинство. При этом Дайчина признавали главой калмыков некоторые соседи и ойратские правители. Однако официальное признание Калмыцкого ханства со стороны Российского правительства состоялось позже, несмотря на то, что российские власти признавали калмыцкие национальные институты власти.

Калмыцкое ханство, хотя и находилось под покровительством России не только при первых своих правителях, но и позже, особенно в период правления Аюки-хана, самого знаменитого правителя в его истории, однако имело широкую автономию в своей внутренней политике, а также обладало относительной свободой в установлении связей с другими государствами. Именно при правлении Аюки-хана, который в 1669 году пришел к власти, произошло усиление Калмыцкого ханства. Внешне это выразилось в том, что Аюка был признан в ханском достоинстве и религиозным правителем Тибета – Далай-ламой (главой ламаистской или тибетской ветви буддизма, приверженцами которой были калмыки) и русским царем Петром I, в отличие от своих предшественников во власти. Так, например, Дайчин, правитель волжских калмыков, в 1655 году получил от Далай-ламы титул хана, от которого позже отказался, а первого правителя Калмыцкого ханства Мончака ни Далай-лама, ни русские власти не удостоили ханских регалий, и Москва признала его лишь в качестве главного тайши (Избасарова, 2022: 138-139). Об официальном признании Калмыцкого ханства Россией свидетельствует подписание 17 июля 1697 г. «Договорных статей, учиненных на реке Камышенка, между Калмыцким ханом Аюкой и боярином князем Борисом Голицыным», в которых калмыцкого правителя впервые назвали ханом. Необходимо подчеркнуть, что фактически Калмыцкое ханство возникло раньше, и соседние государства, а также монгольские и ойратские правители признавали титул калмыцкого хана (Тепкеев, 2020: 3-4).

Аюка-хан смог установить тесные личные взаимоотношения с Петром I, что позволило калмыцкому хану приобрести большое влияние и широкие полномочия, признаваемые российскими властями. Петр был единственным из русских государей, посетивших Калмыцкое ханство и кочевья калмыков, где был торжественно принят калмыцким ханом. В 1722 г. Аюка-хан с женой и детьми был принят императором Петром I в районе Саратова (Бакунин, 1939: 205).

Аюка-хан поддерживал связи не только с сопредельными с Калмыцким ханством государствами, но и с далекими от Нижнего Поволжья, например, с империей Цин – государством маньчжурских богдыханов. Оно включало в свой состав Китай, Маньчжурию, Монголию, свидетельством чему является цинское посольство во главе с Тулишэнем ко двору хана Аюки в июне 1712 года, а также с теократическим Тибетом, где правил Далай-лама, куда с согласия царя Петра I в 1709–1714 годах отправились послы калмыцкого хана, посетившие эту страну, а затем Пекин – столицу Цинской империи, где им дал неофициальную аудиенцию ее император Канси, что стало для цинских властей поводом для отправки в Калмыцкое ханство вышеупомянутого посольства Тулишэня. Поддерживали связи калмыки и со своими сородичами ойратами, создавшими последнюю кочевую империю во Внутренней Азии – Джунгарское ханство. Это нашло выражение в династийном браке дочери Аюки-хана Сетерджаб с правителем Джунгарского ханства (Бакунин, 1995: 23-27) хунтайджи Цэваном-Рабданом, а сам Аюка был женат на Дарма-Бале, двоюродной сестре этого джунгарского правителя. Однако в 1700–1704 годах происходит ухудшение калмыцко-джунгарских

отношений из-за того, что джунгарский хунтайджи «Аюке учинил великую обиду» (РГАДА. Ф. 9. Кабинет Петра I. Отд. II. Кн. 26. Лл. 457-458об.).

После ссоры с отцом один из сыновей Аюки-хана в конце XVII – самом начале XVIII вв. вернулся в Джунгарию (Златкин, 1983: 221-222). Этот инцидент описывается в русском документе «Записка о переговорах в Сенате с цинскими послами по джунгарскому вопросу от 9 февраля 1731 года».

В «Записках» говорится о том, что, когда сын Аюки-хана Санжиц, послушавшись отца, состоявшего вместе с калмыцким народом уже долгое время в подданстве Российского государства, с частью улусов ушел к контайше, Аюка пожаловался императору, что ушедшие с сыном улусы привели к усилению Цон Араптана, и это позволило ему пойти с войсками в Тибет (АВПРИ. Ф.62/1. Сношения России с Китаем. 1731. Д. 9. Л. 1-2).

Что касается цинского посольства 1712 года к калмыкам, то его появление в их кочевьях было вызвано стремлением маньчжурского богдыхана воспользоваться ухудшением калмыцко-джунгарских отношений и вовлечь хана Аюку в союз против Джунгарского ханства. Это вызвало беспокойство российских властей, поскольку данная ситуация не отвечала интересам России и ставила под угрозу безопасность русской Сибири, пограничной с Джунгарским ханством, о чем свидетельствует «Доношение сибирского губернатора М.П. Гагарина канцлеру Г.И. Головкину о намерении цинского правительства направить посольство к хану поволжских калмыков Аюке» от 30 августа 1712 года (Международные отношения ..., 1989: 229-231).

Калмыцкие ханы поддерживали отношения и с далеким Тибетом, о чем сообщает упомянутое выше «доношение» Гагарина Головкину о просьбе Аюки-хана пропустить через Сибирь паломников к Далай-ламе и о получении разрешения царя. То есть Аюка-хан с позволения русского царя отправил своих людей к религиозному правителю Тибета Далай-ламе, где находились святы места ламаистской ветви буддизма, приверженцами которой были калмыки. Тибет был центром ламаистской ветви буддизма и местом паломничества его последователей, к которым относилось большинство монголоязычных народов: монголов, ойратов, калмыков, бурят. Однако визит калмыцкого посольства в Тибет вызвал протест русских властей в Сибири, о чем свидетельствует уже приведенный выше документ-донесение губернатора Сибири канцлеру Головкину с просьбой к российскому императору не разрешать калмыкам паломничество в Тибет, а также не пропускать послов империи Цин к хану Аюке.

Данная просьба объяснялась невозможностью узнать точные цели китайского посланца по важному делу (Китай никогда и никуда не посылал послов). Как стало известно из других источников, целью являлось намерение склонить Аюку к войне с правителем Джунгарского ханства. Видимо, он представлял опасность для Цинского Китая, поскольку кочевал вдоль китайских границ и в непосредственной близости от сибирских городов. Русский губернатор считал, что поражение джунгарского правителя усугубит ситуацию в Сибири, так как произойдет соприкосновение русской границы с китайской и усилится близость Китая со многими сибирскими городами – от Красного Яра до Тюмени. Он просил царя своим указом запретить Аюке воевать с джунгарским хунтайджи, чтобы не нарушить мирные отношения с ним. По его мнению, пропускать через Сибирь и Китай посланцев и людей Аюки не следовало (Международные отношения..., 1989: 229-231). Таким образом, губернатор уверял государя в том, что сибирского контайшу надо всячески оберегать и защищать от китайцев, а также не допускать объединения Аюки с китайцами.

Российское правительство и власти империи Цин высоко оценивали военную мощь Калмыцкого ханства, если без волжских калмыков Китай опасался начинать военные действия против Джунгарского ханства. Калмыцкое ханство обладало эффективной военной организацией и оружием, даже артиллерией, т.к. русские власти Астрахани и Уфы обязались в случае калмыцких походов «снабжать хана Аюку артиллерией с достаточным количеством ядер и бомб», ежегодно выдавать по 20 пудов пороха и 10 пудов свинца (Бичурин, 1991: 38).

Тем не менее, в истории войн калмыков число участвующих в самых больших походах составляло не более 20 или 40 тысяч воинов, в то время как в Цинской империи насчитывалось к тому времени до 300 миллионов подданных, и ее войска, ведущие боевые действия против Джунгарского ханства, насчитывали триста тысяч воинов, т.е. обладали военным потенциалом, на первый взгляд, несопоставимым с калмыцким. Исходя из этих соображений, логично предположить высокую боеспособность калмыцких воинов и эффективность их военной организации.

О степени обеспокоенности России действиями Аюки-хана во Внутренней Азии свидетельствует внимание к ним высших инстанций. По указу от 26 ноября 1712 г. предписано было китайского посланца препроводить в Казанскую губернию, обеспечивая по дороге всем необходимым. По прибытии к Аюке необходимо было выведать цели приезда. В случае намерения китайцев склонить Аюку к войне с джунгарским правителем нужно было отговорить калмыцкого хана, о чем уведомить казанского и сибирского губернаторов царским указом (АВПРИ. Ф. 62/1. 1729. Д. 8. Л. 82об.-83).

Однако при всем беспокойстве высших российских властей по поводу внешнеполитической деятельностью калмыцкого хана они все-таки избегали запретов в отношении действий Аюки-хана и даже обеспечивали всем необходимым его возвращающихся из Китая и Тибета послов, что

свидетельствует о влиянии, которое Аюка-хан оказывал на российско-джунгарские и российско-цинские отношения.

Опасения быть втянутыми в войну против Джунгарского ханства сохранялись у русских властей достаточно долго. Через четыре года появляется очередное письмо сибирского губернатора М.П. Гагарина кабинет-секретарю А.В. Макарову от 21 февраля 1716 года о предложении цинского двора правительству России выступить совместно против Джунгарского ханства. В письме выражалось беспокойство о возможных самостоятельных действиях хана Аюки и желание письменного подтверждения того, что он будет слушать сибирского губернатора, когда речь пойдет о государственных делах. Далее М.П. Гагарин пишет о том, что захват китайцами земель Джунгарского ханства невыгоден России. Он объяснял это тем, что джунгарский хунтайджи кочует на сибирских землях, а война с ним не нужна (РГАДА. Ф. 9. Кабинет Петра I. Отд. II. Кн. 26. Л. 457-458об.).

Из этого письма видно, что власти России поддерживали с Джунгарским ханством разносторонние отношения, в частности, торговые, и надеялись склонить правителя Джунгарского ханства принять подданство Российской империи, а действия хана Аюки в поддержку империи Цин явно этому не способствовали. Аюка-хан не считался с мнением властей, в частности, сибирского губернатора, который апеллировал к царю, чтобы правителя калмыков поставили под его контроль, хотя это была не первая его просьба, так как и четыре года назад он просил царя запретить Аюке-хану поддерживать связи с империей Цин, но безуспешно.

Но и при преемниках Аюки-хана цинские власти не оставляли надежды на военную поддержку Российской империи в их борьбе с Джунгарским ханством, когда в 1730 г. из Пекина в Россию отправили посольство в составе 54 человек, причем часть этой свиты должна была ехать с визитом к волжским калмыкам (Международные отношения ..., 1989: 277). Формальным поводом для цинского посольства в Россию являлось поздравление нового императора Петра II в связи с его восшествием на российский престол. Однако к прибытию цинского посольства в Москву Петр II умер и на троне уже находилась императрица Анна Иоанновна, что побудило цинский двор в том же 1731 году отправить в Россию новое посольство с теми же задачами, основной из которых было намерение склонить волжских калмыков к войне против Джунгарского ханства (Моисеев, 1983: 98).

Сибирский вице-губернатор А.Л. Плещеев писал императрице Анне Иоанновне 30 марта 1732 года о том, что цинское правительство по-прежнему желало использовать в борьбе с Джунгарским ханством военные силы волжских калмыков. Иркутский вице-губернатор Жолобов 4 декабря 1731 г. тоже писал, что контайша (правитель Джунгарского ханства. – Авт.) нанес большой урон китайской армии, поэтому от китайского двора отправили послов к волжским калмыкам, чтобы поднять их на контайшу. Тобольская губернская канцелярия сообщала, что посланцы наместника Черен-Дондука (Черен-Дондука – Авт.), прибывшие из Саратова, проехали через Сибирь к Далай-ламе в Пекин, и опасалась в связи с этим тайного сговора волжских калмыков с китайцами и войны без разрешения российских властей с джунгарским правителем Галдан-Цэрэном.

Осознавая нависшую над ними опасность, правители-хунтайджи Джунгарского ханства пытались восстановить отношения с Калмыцким ханством, о чем свидетельствует миссия ойратского посла Донрюнга, направленного в 1741 году к волжским калмыкам. Он дошел до Самары, но в пути заболел и умер (Международные отношения..., 1989: 303).

Российские власти старались отслеживать контакты поволжских калмыков с иностранными державами. Последние из-за действий калмыцких послов опасались быть втянутыми в конфронтацию с Джунгарским ханством, которое в это время вело успешную войну с империей Цин, нанеся ей ряд поражений в Халхе и заняв крупный религиозный центр ламаизма в Северной Монголии – монастырь Эрдени-Дзу.

5. Заключение

Таким образом, несмотря на огромную удаленность Калмыцкого ханства от пределов Джунгарского ханства, калмыцкий фактор играл весомую роль в международных отношениях, с чем не мог не считаться даже сюзерен Калмыцкого ханства в лице Российской империи, не говоря уже об империи Цин, которая в борьбе с Джунгарским ханством стремилась использовать военный потенциал поволжских калмыков.

6. Благодарности

Исследование выполнено в рамках проекта Российского научного фонда №23-18-20019 «Между Востоком и Западом: цивилизационно-культурное развитие калмыцкого общества в составе дореволюционной России» (<https://grant.rscf.ru/project/23-18-20019/>).

Литература

АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи.

Бакунин, 1939 – Бакунин В. Описание истории калмыцкого народа // *Красный архив*. 1939. № 3 (94). С. 184-254.

- Бакунин, 1995** – Бакунин В.М. Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев соч. 1761 г. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1995. 153 с.
- Беспрозванных, 2001** – Беспрозванных Е.Л. Лидеры Тибета и их роль в тибето-китайских отношениях XVII–XVIII вв. Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 2001. 354 с.
- Беспрозванных, 2008** – Беспрозванных Е.Л. Калмыцко-китайские отношения в XVIII веке. Волгоград: Волгоградский гос. ун-т, 2008. 370 с.
- Бичурин, 1991** – Бичурин Н.Я. (Иакинф). Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. 2-е изд. Элиста. 1991. 128 с.
- Златкин, 1983** – Златкин И.Я. История Джунгарского ханства. Изд. 2-е. М.: Наука, 1983. 410 с.
- Избасарова, 2022** – Избасарова Г.Б. Западный Казахстан в региональной политике Российской империи (XVIII – начало XIX вв.). Актобе: Принт А, 2022. 358 с.
- Китинов, 2020** – Китинов Б.У. Буддийский фактор в политической и этнической истории ойратов (середина XV в. – 1771 г.): дисс. ... докт. истор. наук: 07.00.03; [Место защиты: ФГБУН Институт востоковедения Российской академии наук]. Москва, 2020. 546 с.
- Кундакбаева, 2005** – Кундакбаева Ж.Б. "Знаком милости Е.И.В...". Россия и народы Северного Прикаспия в XVIII веке. Москва, СПб.: АИРО-XXI; Дмитрий Буланин, 2005. 303 с.
- Международные отношения..., 1989** – Международные отношения в Центральной Азии. XVII–XVIII вв. Документы и материалы. Книга I. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1989. 375 с.
- Моисеев, 1983** – Моисеев В.А. Дело Шоно Лаузана // *Общество и государство в Китае*. Т. XIV. Ч. 2. М., 1983. С. 96-102
- Пальмов, 1922** – Пальмов Н.Н. Очерк истории калмыцкого народа за время пребывания его в пределах России. Астрахань, 1922. 159 с.
- Пальмов, 1926** – Пальмов Н.Н. Этюды по истории приволжских калмыков. Ч. 1. Астрахань, 1926. 260 с.
- РГАДА** – Российский государственный архив древних актов.
- Тепкеев, 2018** – Тепкеев В.Т. Аюка-хан и его время. Элиста: Калмыцкий научный центр Российской академии наук, 2018. 366 с.
- Тепкеев, 2020** – Тепкеев В.Т. Российское государство и калмыки: проблемы политических взаимоотношений в XVII – первой половине XVIII века: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук : специальность 07.00.02; [Калмыцкий ИЦ РАН]. Улан-Удэ, 2020. 44 с.
- Цюрюмов, 2003а** – Цюрюмов А.В. Калмыцкое ханство и Джунгария: этапы межгосударственных отношений / *Россия, Запад и Восток: история взаимоотношений. Материалы всероссийской научной конференции*. СПб., 2003. С. 90–93.
- Цюрюмов, 2003б** – Цюрюмов А.В. Геополитическое положение Калмыцкого ханства в XVII–XVIII вв. // *Астраполис*. № 4–5. 2003. С. 29-30.
- Цюрюмов, 2005** – Цюрюмов А.В. Калмыцко-джунгарские отношения в XVII веке / *Образование, культура и гуманитарные исследования Восточной Сибири и Севера в начале XXI («Байкальские встречи – V»)*. Улан-Удэ, 2005. С. 201-206.
- Цюрюмов, 2006** – Цюрюмов А.В. Калмыцко-китайские отношения в конце XVII – первой четверти XVIII вв. // *Известия ВУЗов. Северокавказский регион. Общественные науки. Приложение*. 2006. № 5. С. 164-170.
- Цюрюмов, 2007** – Цюрюмов А.В. Калмыцкое ханство в составе России: проблемы политических взаимоотношений. Элиста, 2007. 462 с.
- Цюрюмов, 2019а** – Цюрюмов А.В. О калмыцко-китайских контактах в восточной политике Петра I / *Сетевое востоковедение: взаимодействие монгольских и тюркских этносов во времени и в пространстве: Материалы III Международного научного форума, Элиста, 11–14 ноября 2019 года*. Элиста: Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова, 2019. С. 409-410.
- Цюрюмов, 2019б** – Цюрюмов А.В. Калмыцкое ханство в международных отношениях в Центральной Азии (середина XVIII века) / *Сетевое востоковедение: взаимодействие монгольских и тюркских этносов во времени и в пространстве: Материалы III Международного научного форума, Элиста, 11–14 ноября 2019 года*. Элиста: Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова, 2019. С. 59-61.
- Соловьев, 1991** – Соловьев С.М. Сочинения в 18 книгах. М.: Мысль, 1989–1991.

References

- AVPRI** – Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi imperii [Archive of foreign policy of the Russian Empire].
- Bakunin, 1939** – Bakunin, V. (1939). Opisanie istorii kalmyckogo naroda [Description of the history of the Kalmyk people]. *Krasnyj arhiv*. 3(94): 184-254. [in Russian]
- Bakunin, 1995** – Bakunin, V.M. (1995). Opisanie kalmyckih narodov, a osoblivo iz nih torgoutskogo, i postupkov ih hanov i vladel'cevsoch. 1761 g. [Description of the Kalmyk peoples, and especially the Torgout people, and the actions of their khans and rulers, comp. 1761]. Elista: Kalm.kn.iszd-vo, 153 p. [in Russian]

- Besprozvannyh, 2001** – *Besprozvannyh, E.L.* (2001). Lidery Tibeta i ih rol' v tibeto-kitajskih otnoshenijah XVII–XVIII vv. [Leaders of Tibet and their role in Tibetan-Chinese relations in the 17th–18th centuries]. Volgograd: Izd-vo Volgogr. gos. un-ta, 354 p. [in Russian]
- Besprozvannyh, 2008** – *Besprozvannyh, E.L.* (2008). Kalmycko-kitajskie otnosheniya v XVIII veke [Kalmyk-Chinese relations in the 18th century]. Volgograd: Volgogradskij gos. un-t, 370 p. [in Russian]
- Bichurin, 1991** – *Bichurin, N.YA. (Iakin'f)* (1991). Istoricheskoe obozrenie ojratorov ili kalmykov s XV stoletiya do nastoyashchego vremeni [Historical overview of the Oirats or Kalmyks from the XV century to the present]. 2-e izd. Elista. 128 p. [in Russian]
- Izbasarova, 2022** – *Izbasarova, G.B.* (2022). ZapadnyjKazahstan v regional'noj politike Rossijskoj imperii (XVIII – nachalo XIX vv.) [Western Kazakhstan in the regional policy of the Russian Empire (XVIII – early XX centuries)]. Aktoke: Print A, 358 p. [in Russian]
- Kitinov, 2020** – *Kitinov, B.U.* (2020). Buddijskij faktor v politicheskoj i jetnicheskoj istorii ojratorov (seredina XV v. – 1771 g.) [The Buddhist factor in the political and ethnic history of the Oirats (mid-15th century – 1771)]: diss. ... dokt. istor. nauk: 07.00.03; [Mesto zashhity: FGBUN Institut vostokovedeniya Rossijskoj akademii nauk]. Moskva, 546 p. [in Russian].
- Kundakbaeva, 2005** – *Kundakbaeva, Zh.B.* (2005). "Znakom milosti E.I.V...". Rossiya i narody Severnogo Prikaspiya v XVIII veke ["By a sign of H.I.V.'s mercy...". Russia and the peoples of the Northern Caspian region in the 18th century]. Moskva, SPb.: AIRO-XXI; Dmitrij Bulanin, 303 p. [in Russian]
- Mezhdunarodnye otnosheniya..., 1989** – *Mezhdunarodnye otnosheniya v Central'noj Azii. XVII–XVIII vv. Dokumenty i materialy* [International relations in Central Asia. XVII–XVIII centuries. Documents and materials]. Kniga I. M.: Nauka. Glavnaya redakciya vostochnoj literatury, 1989. 375 p. [in Russian]
- Moiseev, 1983** – *Moiseev, V.A.* (1983). Delo SHono Lauzana [The case of Shono Lauzan]. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae*. T. XIV. Ch. 2. M. Pp. 96-102. [in Russian]
- Pal'mov, 1922** – *Pal'mov, N.N.* (1922). Ocherk istorii kalmyckogo naroda za vremya prebyvaniya ego v predelakh Rossii [Essay on the history of the Kalmyk people during their stay within Russia]. Astrahan'. 159 p. [in Russian]
- Pal'mov, 1926** – *Pal'mov, N.N.* (1926). Etyudy po istorii privolzhskih kalmykov [Sketches on the history of the Volga Kalmyks]. Ch.1. Astrahan', 260 p. [in Russian]
- RGADA** – Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov [Russian State Archive of Ancient Acts].
- Solov'ev, 1991** – *Solov'ev, S.M.* (1991). Sochineniya v 18 knigah [Works in 18 books]. M.: Mysl', 1989–1991. [in Russian]
- Tepkeev, 2018** – *Tepkeev, V.T.* (2018). Ajuka-han i ego vremja [Ayuka Khan and his time]. Elista: Kalmytskij nauchnyj tsentr Rossijskoj akademii nauk, 366 p. [in Russian].
- Tepkeev, 2020** – *Tepkeev, V.T.* (2020). Rossijskoe gosudarstvo i kalmyki: problemy politicheskikh vzaimootnoshenij v XVII – pervoj polovine XVIII veka [The Russian state and the Kalmyks: problems of political relationships in the 18th century – the first half of the 18th century]: avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenojstepeni dokt. istor. nauk: special'nost' 07.00.02 [Kalmyckij NC RAN]. Ulan-Ude, 44 p. [in Russian]
- Tsyuryumov, 2003a** – *Tsyuryumov, A.V.* (2003). Kalmyckoe hanstvo i Dzhungariya: etapy mezhgosudarstvennyh otnoshenij Kalmyckoe hanstvo i Dzhungariya: etapy mezhgosudarstvennyh otnoshenij [The Russian article and the Kalmyks: problems of political relationships eun the 18th century – the first half of the 18th century]. *Rossiya, Zapad i Vostok: istoriya vzaimootnoshenij. Materialy userossijskoj nauchnoj konferentsii*. SPB. Pp. 90-93. [in Russian]
- Tsyuryumov, 2003b** – *Tsyuryumov, A.V.* (2003). Geopoliticheskoe polozhenie Kalmyckogo hanstva v XVII-XVIII vv. [Geopolitical position of the Kalmyk Khanate in the XVIII-XVIII centuries]. *Astrapolis*. 4–5: 29-30. [in Russian]
- Tsyuryumov, 2005** – *Tsyuryumov, A.V.* (2005). Kalmycko-dzhungarskie otnosheniya v XVII veke [Kalmyk-Dzungen relations in the 17th century]. *Obrazovanie, kul'tura i gumanitarnye issledovaniya Vostochnoj Sibirii Severa v nachale XXI («Bajkal'skie vstrechi – V»)*. Ulan-Ude. Pp. 201-206. [in Russian]
- Tsyuryumov, 2006** – *Tsyuryumov, A.V.* (2006). Kalmycko-kitajskie otnosheniya v konce XVII – pervoj chetverti XVIII vv. [Kalmyk-Chinese relations at the end of the 18th century - the first quarter of the 18th century]. *Izvestiya VUZov. Severokavkazskij region. Obshchestvennye nauki. Prilozhenie*. 5: 164-170. [in Russian]
- Tsyuryumov, 2007** – *Tsyuryumov, A.V.* (2007). Kalmyckoe hanstvo v sostave Rossii: problemy politicheskikh vzaimootnoshenij [Kalmyk Khanate within Russia: problems of political relationships]. Elista, 462 p. [in Russian]
- Tsyuryumov, 2019a** – *Tsyuryumov, A.V.* (2019). O kalmycko-kitajskih kontaktah v vostochnoj politike Petra I [About Kalmyk-Chinese contacts in the Eastern policy of Peter I]. *Setevoe vostokovedenie: vzaimodejstvie mongol'skih i tyurkskih etnosov vo vremeni v prostranstve: Materialy III Mezhdunarodnogo nauchnogo foruma, Elista, 11–14 noyabrya 2019 goda*. Elista: Kalmytskij gosudarstvennyj universitet imeni B.B. Gorodovikova. Pp. 409-410. [in Russian]
- Tsyuryumov, 2019b** – *Tsyuryumov, A.V.* (2019). Kalmyckoe hanstvo v mezhdunarodnyh otnosheniyah v Central'noj Azii (seredina XVIII veka) [Kalmyk Khanate in international relations in Central Asia (mid-

18th century)]. *Setevoe vostokovedenie: vzaimodejstvie mongol'skih i tyurkskih etnosov vo vremeni v prostranstve: Materialy III Mezhdunarodnogo nauchnogo foruma, Elista, 11–14 noyabrya 2019 goda*. Elista: Kalmyckij gosudarstvennyj universitet imeni B.B. Gorodovikova. Pp. 59–61. [in Russian]

Zlatkin, 1983 – Zlatkin, I.Ya. (1983). *Istoriya Dzhungarskogo hanstva* [History of the Dzungar Khanate]. Izd. 2-e. M.: Nauka, 410 p. [in Russian]

Калмыки Российской империи в системе международных отношений Внутренней Азии (первая половина XVIII в.)

Евгений Александрович Команджаев ^{a, *}, Александр Шайдаатович Кадырбаев ^b,
Людмила Вячеславовна Оконова ^b

^a Институт востоковедения Российской академии наук, Российская Федерация

^b Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме – внешнеполитическим контактам Калмыцкого ханства. Этот поволжский субъект активно взаимодействовал с Джунгарским ханством, Цинским Китаем и Тибетом. Анализируется место калмыков в системе внутриазиатских отношений во второй половине XVIII в. Статья основана на введении в научный оборот российских архивных материалов. В настоящее время по исследуемой теме имеются лишь отдельные работы. Кроме того, необходимость всестороннего и углубленного изучения данной проблемы диктует применение междисциплинарного и цивилизационно-культурного подходов. Комплексный анализ развития взаимоотношений калмыков Поволжья с Джунгарским ханством, Тибетом и империей Цин во Внутренней Азии в середине XVIII века является целью данной работы, т.к. позволяет прояснить многие события, оказавшие значительное влияние на историческую судьбу калмыцкого народа. Авторами проанализированы архивные материалы и научные источники. Временные границы исследования, выбранные авторами, соответствуют поставленной задаче, т.к. дают возможность проследить эволюцию взаимоотношений калмыков Поволжья в системе международных отношений в первой половине XVIII века. В статье использованы методологические принципы: объективность, историзм, всесторонность. Калмыцкий фактор играл весомую роль в это время в международных отношениях во Внутренней Азии, с чем не мог не считаться даже сюзерен Калмыцкого ханства в лице Российской империи. Военный потенциал калмыков привлекал даже Цинский Китай, боровшийся с Джунгарским ханством за гегемонию во Внутренней Азии.

Ключевые слова: Российская империя, Калмыцкое ханство, калмыки, Тибет, Далай-лама, Цинский Китай, Аюка-хан, Джунгарское ханство, международные отношения, внешняя политика.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: komandzhaev@mail.ru (Е.А. Команджаев)